

УДК 81.367.634

З.Н. Бакалова*

**О ДВУХ ДЕЙСТВУЮЩИХ ПАРАДИГМАХ ИЗУЧЕНИЯ
СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ АДВЕРСАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ**

В статье утверждается мысль о совмещении структурно-семантической и антропоцентрической парадигм изучения языкового материала в целях более адекватного и многостороннего выявления сущности категории адверсативности. Формулируются пути достижения такого совмещения.

Ключевые слова: структурно-семантическая парадигма, антропоцентрическая парадигма, адверсативные конструкции.

Научная парадигма – это система воззрений на язык, определяющая постановку проблем и процедур исследования.

Активно действующая примерно с 1960-х гг. структурно-семантическая парадигма изучения сложных предложений (будем говорить о них в соответствии с темой данного исследования) базируется на двух основных признаках синтаксических единиц: их структуре и их семантике в рамках взаимоотношения компонентов сложного предложения. Эти две стороны «одной медали», определяющие сущность синтаксических единиц, взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Структурно-семантическая парадигма, доказавшая свою блестящую результативность, сохраняет свою актуальность и, пополняясь новыми идеями, помогает успешно решать многие проблемы языкознания, в том числе и связанные с категорией русского сочинения (И.А. Попова, Е.И. Диброва, Ю.И. Леденев, Г.Ф. Рахманкулова, Г.Е. Крейдлин, Е.В. Падучева, Н.Н. Холодов, Г.Ф. Гаврилова, В.А. Белошапкова, З.Н. Бакалова, И.Н. Кручинина, Н.П. Перфильева, Н.В. Усова, О.А. Ананьева, Е.А. Краснова и др.). Именно благодаря ей (парадигме) общими усилиями удалось подробно описать рус-

* © Бакалова З.Н., 2010

Бакалова Зинаида Николаевна (bakalov1941@mail.ru), кафедра русского языка, культуры речи и методики их преподавания Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, 443099, Россия, г. Самара, ул. М. Горького, 65.

ский паратаксис во всех его специфических смысловых и формальных разновидностях.

Однако с появлением в последней трети XX века антропоцентрической системы взглядов, сместившей исследовательское внимание с объекта познания на субъект речи, целью лингвистического анализа уже не может считаться выявление только одних внутриязыковых характеристик лингвистических единиц. Если структурно-семантический принцип исследования предполагает учет того, **что** говорит человек (план содержания, семантика) и **как** говорит человек (план выражения, структура), то такого рода описание по веянию времени (во всяком случае в идеале) должно быть дополнено ответом на два других существенных вопроса: **почему** так говорит, строит свое высказывание человек и **зачем** он это делает.

Применительно к русскому паратаксису суть антропоцентрического подхода состоит в следующем: сложносочиненные предложения, в частности противительного типа, тоже должны изучаться (и уже изучаются) с позиций стимулов их возникновения, т. е. конструирования автором высказывания. Такими причинами, обуславливающими обстоятельствами служит характер отражения в сознании человека реальной действительности с правилами ее существования, иначе — принципами, нормами поведения, «аксиомами» [2, 3, 5, 6], а также типичные особенности человеческой психики. Например, по общечеловеческим меркам считается, что целенаправленное действие (намеренное или уже осуществляемое) должно возыметь желаемый результат. Если этого не происходит и ситуация развивается в противоположном направлении, это ненормально, и маркером ненормального положения дел, нарушения жизненных правил становятся противительные союзы: «Он очень хотел поступить в институт, *но* не получилось (провалился на экзаменах, внезапно заболел и проч.)»; «Родила она благополучно, *а* ребенка почему-то оставила в роддоме». Принцип оптимистичности языка утверждает, что нормально все хорошее, а плохое ненормально: «Я поступил в вожделенный институт, *но* вскоре пришлось разочароваться»; «Мы женились по страстной любви, *а* брак распался».

Надо сказать, что человек как субъект высказывания видит объективный мир через призму собственного понимания, т. е. отражает в своих высказываниях не реальный мир, а свои репрезентации о нем, которые могут совпадать или не совпадать с реальной действительностью и с общепринятыми представлениями. В современных терминологических выражениях это называется языковой, или «наивной картиной мира», т. е. картиной не научной, а обиходной, житейской, обыденной. Сказанное выше и заставляет выдвигать в языковом анализе субъект речи (человека) как смыслоопределяющую, смыслополагающую личность.

Термин «антропоцентризм» очень широк: на правах своих частных ответвлений он предполагает когнитивную лингвистику, психолингвистику, прагмалингвистику, коммуникативную лингвистику, включая лингвистику текста, этнолингвистику и лингвокультурологию, в центре внимания которых стоит все тот же человек (антропос — греч.). В соответствии с разными аспектами антропоцентрического принципа сложносочиненное предложение выступает:

- как одно из средств общения, а значит, входит в предмет исследования коммуникативной лингвистики, занимающейся спецификой функционирования языковых единиц в речи. Приведем отрывок из романа М. Булгакова «Белая гвардия»: «Никогда не убегайте крысёй побежкой на неизвестность от опасности. У абажура дремите, читайте — пусть воет вьюга, ждите, пока к вам придут. Тальберг же бежал». Союз *же* в кратком энергичном предложении после страстных сентенций автора явно усиливает противопоставление за счет редкого в употреблении, а значит, необычного, заостряющего внимание противительного релятива. Весь акцент конечной фразы заключается в этом *же* со значением нарушения общепринятой нормы. Всякие словесные добавления к данному служебному слову стали бы излишним педантизмом и снизили бы выразительность противопоставления, утопив его в избыточных смыслах;

- как один из способов влияния на жизнь, что изучается прагмалингвистикой. Прагматическое описание должно учитывать говорящего и слушающего, их отношение к сообщаемому и друг к другу. Так, предыдущая фраза автора со словом *же*, которое служит ее центром и смыслом, должна убедить читателя в трусости и предательстве Тальберга;

- как одно из возможных средств репрезентации концептов, составляющих предмет анализа когнитивной лингвистики. Например, концепт «война» в том же романе активно включает противительные союзы в состав средств своего выражения. Повтор неполных конструкций с союзом-частицей *а* «А вдруг? А вдруг? А вдруг» на фоне макроконтраста выражает ужас киевских обывателей перед вторжением банды Петлюры. Другие сочинительные структуры в деталях живописуют ситуации, связанные с войной: «Солнце окрасило в кровь главный купол Софии, *а* на площадь от него легла странная тень, так что стал в этой тени Богдан фиолетовым, *а* толпы мятущегося народа еще чернее, еще гуще, еще смятеннее»;

- как (вкупе с лексико-грамматическим наполнением) зеркало или визитная карточка субъекта речи, что включает сложносочиненное предложение в круг интересов психолингвистики и лингвоперсонологии. Декодирование сочинительных конструкций помогает понять «текстовую личность», допустим, автора упомянутого романа «Белая гвардия» М. Булгакова как человека, гражданина и профессионального литератора.

Новая антропоцентрическая парадигма предусматривает и актуальные методы исследования противительных структур в виде их толкования «упорядоченным» естественным языком с привлечением «элементарных смыслов» («предельных составляющих мира») на основе интроспекции. Под интроспекцией понимается учет языковой интуиции, но не по принципу «мне кажется», а учет глубоко продуманный и взвешенный, по выражению А. Вежбицка, «систематическое, упорное проникновение в глубины своего языкового сознания» [1, с. 245].

Антропоцентрическая парадигма с ее особым взглядом на суть и анализ языковых единиц вовсе не должна отменять структурно-семантическую систему ни в целом, ни в деталях, она лишь показывает ее ограниченность одними внутриязыковыми показателями. Современная ситуация в языкозна-

нии в связи с возможностью сосуществования разных парадигм определяется рядом авторитетных современных лингвистов (Е.С. Кубряковой, В.Н. Телией, Ю.С. Степановым, В.А. Масловой, Н.Ф. Алиференко и др.) как **полипарадигмальная**, что означает идею совмещения разных подходов и методик лингвистического анализа без отрицания какой-либо одной из них и без утверждения другой как единственно верной. Язык при полипарадигмальном подходе воспринимается как знаковая система, служащая средством не только общения, но познания и воздействия.

В итоге мы предлагаем комплексный подход к анализу языковых конструкций противительного типа, представляющий, в первую очередь, неисчислимо количество раз апробированный и освященный традицией структурно-семантический путь исследования (разумный консерватизм), по возможности дополненный наблюдениями антропоцентрического характера (инновационный подход).

Развитие идеи о роли и значении человеческой фигуры в языке, за что, кстати, ратовали в свое время как отечественные (в частности, академик В.В. Виноградов), так и зарубежные языковеды (например, представители Пражской школы), выявление набора жизненных правил, служащих предпосылкой проявления противительных высказываний в речи, попытки описать их прагматическую сторону — все это, несомненно, шаг вперед в науке о языке. Есть и еще ряд преимуществ в работах сторонников антропоцентризма, работающих в области анализа сочинительной связи: мысль о национальном характере союза *а* и его идиоматичности, т. е. неадекватной переводимости на другие языки (А. Вежбицка, Е.В. Падучева, Е.В. Урысон), оригинальный подход к союзам как к словам-примитивам (Е.В. Урысон, В.Ю. Апресян и др.) и целая россыпь интересных мыслей частного характера. Рождающееся на наших глазах антропологическое направление изучения русских союзов дает результаты и намечает перспективы. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать хотя бы соответствующие статьи «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» (2004), созданного под редакцией и руководством академика Ю.Д. Апресяна, очень похожие на исследовательские работы по глубине мыслей и обстоятельности их изложения.

Однако активная реализация антропоцентрического принципа содержит пока немало нерешенных вопросов. Применительно к адверсативным структурам можно констатировать, что этот принцип скорее открыт для аналитического использования, нежели до конца додуман. Это касается, например, осознания прагматических целей адверсативных высказываний, которые постулируются, но о которых ведется разговор лишь в самом общем плане. Следует отметить и некоторую неуверенность в окончательности выводов по отдельным вопросам анализа адверсативных структур (оговорки типа: предлагаемые толкования «не могут считаться окончательными», «имеют крайне предварительный характер»). Далек не во всем совпадает перечень так называемых «норм» общечеловеческого существования, определяющих появление противительных высказываний. Все это в принципе нормально для хода ищущей истину научной мысли, но антропологическое изучение русского партаксиса на рубеже XX–XXI веков только проходит процесс своего становле-

ния, в отличие от устоявшейся, стабильно надежной структурно-семантической школы. Кроме того, у нас наметились определенные сомнения относительно того, можно ли абсолютизировать роль интуиции (интроспекции) как стопроцентно надежного инструмента анализа синтаксических структур. Нам неоднократно встречались конкретные противительные высказывания, интерпретированные исследователями несовпадающим и даже противоположным образом. Если принять тезис о возможности основной опоры на человеческую интуицию в исследовании языковых единиц, то его с очевидностью следует дополнить методом объективизации в виде психолингвистического эксперимента с достаточным количеством сознательно отобранных испытуемых, как это убедительно сделано в монографии К.Я. Сигала [4], посвященной теоретико-экспериментальному анализу противительных отношений в простом предложении.

Конкретные синтетические пути исследования противительных структур (в том числе и психолингвистический эксперимент) выходят за рамки настоящей статьи и могли бы составить предмет более обстоятельной и детализированной научной работы. В данном случае нашей задачей было утверждение целесообразности в анализе противительных конструкций обращения к двум действующим научным парадигмам в целях более адекватного представления изучаемого языкового материала.

Библиографический список

1. Вежбицка А. Из книги «Семантические примитивы»: Введение // Семиотика. М., 1983.
2. Падучева Е.В. Эгоцентрическая семантика союзов А и НО // Славянские сочинительные союзы: сб. статей. М.: Изд-во РАН; Институт славяноведения и балканистики, 1997.
3. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
4. Сигал К.Я. Сочинительные конструкции в тексте: опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения). М.: Гуманитарий, 2004. 402 с.
5. Урысон Е.В. Союзы А и НО и фигура говорящего // Вопр. языкознания. 2004. № 6. С. 64–81.
6. Урысон Е.В. Семантика союза НО: данные языка о деятельности сознания // Вопр. языкознания. 2006. № 5. С. 22–42.

**ABOUT TWO FUNCTIONAL PARADIGMS OF THE STUDY
OF COMPLEX ADVERSATIVE STRUCTURES**

In the article the idea about the combination of structural-semantic and anthropocentric paradigms of the study of linguistic material for the purpose of more adequate and versatile exposure of the essence of the category of adversativity is stated. The ways of achieving of such a combination are formulated.

Key words: structural-semantic paradigm, anthropocentric paradigm, adversative constructions.

* *Bakalova Zinaida Nikolaevna* (bakalov1941@mail.ru), the Dept. of Russian Language, Culture of Speech and Methods of their Teaching, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara, 443099, Russia.